

Кир Великий. Первый монарх

Автор:

Гарольд Лэмб

Кир Великий. Первый монарх

Гарольд Лэмб

Nomen est Omen

Оригинальное беллетризованное жизнеописание самого загадочного исторического персонажа, первого монарха на земле основателя империи Ахеменидов. В книге отражены все основные исторические события далекой эпохи, мастерски воссоздана атмосфера VI века до Рождества Христова, когда загадочное племя персов, изолированное в горной местности Южного Ирана, достигло превосходства над всем цивилизованным миром, потратив на это чуть больше 30 лет.

Гарольд Лэмб

Кир Великий. Первый монарх

Предисловие

Кир, или, в английском варианте, Сайрус – очень привычное имя для жителей Америки. Во времена наших дедов оно, возможно, было самым распространенным мужским именем, хотя пришло к нам от почти неизвестного царя Востока, жившего на заре истории. Тем не менее это имя окружают знакомые образы и понятия: надпись на стене, незыблемые законы Мидии и Персии, мудрые маги Востока. Общеизвестными стали и другие детали времени

Кира – богатство Креза, дельфийский оракул и сомнительная Вавилонская башня.

Во всем этом нет ничего загадочного, поскольку наши предки часто читали Ветхий Завет, а малоизвестному Киру, провозглашенному царем мидян и персов, отведено на этих страницах весьма заметное место. Так, в начале Книги Ездры написано: «Так говорит Кир, царь Персидский: все царства земли дал мне Господь, Бог небесный; и он повелел мне построить Ему дом в Иерусалиме, что в Иудее». Слова «все царства земли» кажутся преувеличением. Однако в начале другой части Ветхого Завета, Книги Есфирь, рассказ об этих землях продолжается: «И было во дни Артаксеркса, – этот Артаксеркс царствовал над ста двадцатью семью областями от Индии и до Эфиопии».

На этот раз древние пророки рассказывают правду об известном им человеке, жившем в том мире, который они понимали, – мире, простиравшемся от Инда до верховий Нила. Но из всех загадок древней истории этот человек, Кир, остается, возможно, самой непостижимой загадкой. Тайна неизвестного народа хеттов в конце концов была раскрыта, а исчезнувшая минойская цивилизация приобрела тот вид, в котором она существовала на берегах великого Средиземного моря. Что произошло после Кира Ахеменида, со всеми подробностями изложено в летописях, но там ничего не говорится о нем самом. Он появляется ниоткуда, хотя после себя оставляет первое упорядоченное государство, охватывающее весь мир. С собой он приносит новую идею – если не идеал – и каким-то образом поворачивает течение истории, чтобы положить конец древнему миру халдейского Ура, фараонов, Ашшура и Вавилона. Почему и как он это сделал, каков был его замысел? Какими средствами он располагал и кто ему помог их использовать? И прежде всего, каким человеком он был в действительности? Опираясь на исторические факты, мы не можем ответить на эти вопросы, но все-таки ответы должны быть даны. И найти их мы можем лишь одним способом.

Мы можем вернуться назад и исследовать его время, не обращая внимания при поисках на все, что произошло с тех пор. Нам следует искать лишь то, что существовало тогда, от покрывал на кроватях до стульчиков из слоновой кости и асфальта, скрепляющего каменные ступени, ведущие к известняковым жертвенникам и хранителям вечного огня. От этих жертвенников мы можем отправиться туда, где разводили чистокровных жеребцов, и к входу во владения, окруженные не стенами, а горами. При этом мы представим себе, что бродим по небольшому имению Кира и ищем других его обитателей.

Это будет происходить в начале VI века до н. э., когда фараоном Саисского Египта был Нехо, чьи колесницы за семь лет до этого, у Кархемиша, были обращены в беспорядочное бегство Навуходоносором, царем земель, царем Вавилона. Перед этим в Иудее, у Армагеддона, Иосая проиграл сражение тому же фараону, и теперь Навуходоносор возвращался в Вавилонию, ведя с собой плененного царя иудейского и его народ.

На востоке, в горах, правил мидянин Киаксар. Далекостояли горы от войн, бушевавших на обширных равнинах, одних обращавших в бегство, других уводивших в плен от родного очага.

В тех далеких горах родился Кир Ахеменид.

Часть первая

ПОСЕЛЕНИЕ В ГОРАХ

МАЛЬЧИКИ У ВОРОТ

Киром его называли в честь деда. Имя это означало «пастух» – кураш, на их языке. Оно вовсе не означало, что мальчику предназначалось пасти овец. Стада сотнями кормились на горных пастбищах, поднимаясь до высот, где таял снег. За ними следили пожилые люди с мастифами. Просто была такая легенда о Кураше, царе-пастухе, который присматривал за своим народом, вел его на поиски пищи и охранял от диких зверей, демонов и набегов других племен.

Поскольку мать мальчика умерла вскоре после его появления на свет, семья собралась и решила, что это место приносит несчастье, а поэтому им следовало поискать новые пастбища. Однако его отец Камбис подумал и сказал:

– Такое решение не может принять одна семья; совет Трех племен должен ответить: да или нет. А сейчас, я говорю, мы останемся здесь. В этой долине хорошо лошадям и хорошо людям. Да что там, она просто суший рай.

Камбис, или Канбуджия, мелкий царек персов, был человеком упрямым. Их долина располагалась высоко, у самой линии снегов, и за исключением летних дней в ней почти всегда было довольно холодно. Однако с северо-запада ее защищали горные вершины, и стремительный поток неизменно нес через нее свои воды и эхо голоса Анахиты. Когда Камбис приказал воздвигнуть на противоположной стороне реки пару жертвенников, пламя священного Атара ярко взметнулось в темноте. Кроме того, Камбис считал, что помимо доброго покровительства воды и огня эта занятая персами долина дает естественную защиту от врагов. Караванные торговцы стали называть ее Парсагарды – лагерь персов. Едва ли это поселение можно было назвать городом.

Таким образом, мальчик Кир в первую очередь узнал уединение этой долины. Он рос среди горцев, не сомневавшихся в своем превосходстве над жителями лежавшей ниже равнины. Это на самом деле спорное суждение разделяли все люди с гор. Затем, в возрасте пяти или шести лет, когда мальчики с низины продолжали лепить игрушки из глины, которую они добывали в высохших руслах рек, он приучился ездить верхом. Вместе со своими двоюродными братьями и сестрами он взбирался на спину неоседланной лошади; дети держались за гриву или цеплялись друг за друга. Они сразу увидели, что пешком передвигаются лишь пленники да старики. Непрестанная верховая езда приучила их совершать довольно долгие путешествия и во всех смыслах свысока смотреть на тех, кто ходит по земле пешком. Гирканец Эмба, ухаживавший за его лошадью, сказал Киру, что он ездит как царек, как сам Камбис.

Кир потряс перед глазами раба кулачком. На серебряном браслете висел кусочек прозрачного камня с вырезанным на нем изображением расправленных крыльев над очертаниями трехглавого демона Ази-Дахаки, самого главного из всех злых существ.

– Эмба, по этому знаку я сын великого царя.

Почему ты говоришь о царьке?

Гирканец вытер руки о кожаные штаны, изучил царскую печать и покачал головой:

– Потому что видел еще и мидянина, правящего в далеких землях народами, которые говорят на разных языках. Вот он – великий царь. А твой отец правит

одной страной, одним народом и одним языком. Так разве он не царек?

Впечатленный познаниями гирканца, мальчик попросил Камбиса рассказать об этом всю правду. Теребя короткую седую бороду, Камбис задумался. Затем он улыбнулся:

– Правду? Да ведь в наших племенах меня считают великим царем, а чужестранцы – царьком. У каждого правда своя.

– А сам ты что думаешь?

На этот раз отец хранил молчание так долго, что Киру пришлось перевести дыхание.

– Я, Камбис, владею землей Парсы, с ее добрыми лошадьми и добрыми людьми, потому что мне ее пожаловали великие боги. Да помогут они мне, Камбису, ее сохранить.

Сказал так, будто говорил сам с собой, и в тот раз его слова удовлетворили Кира. Через несколько лет он уже не так одобрительно относился к ответу отца, разве что считал его чистой правдой.

Говорить правду было важнее всего. Так учили юного Пастуха. Те мальчики, которые не достигли еще возраста, когда начинают носить меч, внимали своим учителям у царских ворот. При первых признаках дня, будь то красные солнечные лучи или серая пелена дождя, они собирались у черных ступеней. По обе стороны от широкой лестницы для охраны своих ворот Камбис намеревался воздвигнуть каменные фигуры духов. Но он отложил эту работу, сказав, что для выбора наилучшей пары покровителей ему потребуется длительное время. Даже копьеносцы и охотники не дежурили у лестницы. Только конюхи вроде Эмбы сидели на корточках, готовые принять поводья, если какие-нибудь знатные гости приедут к Камбису и спешатся у ступеней. Посетители проходили несколько сот шагов по выложенной обожженным кирпичом дороге, проложенной в райской тени платанов. Затем чаще всего они обнаруживали царя на широком крыльце дома распекающим садовников. Элегантные гости из Двуречья улыбались, замечая деревянные бревна, поддерживающие портик. Камбис раздраженно бросал, что живет не в храме и не нуждается в полированных каменных колоннах. Однако на самом деле он просто не хотел

ждать, пока полированные камни поднимут к его только что построенному райскому жилищу в Парсагардах.

Поскольку мальчики из школы у ворот совершенно не знали письменности, они волей-неволей доверяли словам учителей. Если бы в речь учителей прокралась ложь, мысли учеников приняли бы неверное направление. Точно так же, не умея писать ни клином на глиняных дощечках, ни черной тушью на папирусе, они должны были сохранять все услышанное в своей памяти, как просеянное зерно в сухом ларе. Они сидели на голых скамьях и слушали поэтов, произносивших нараспев легенды их родного Ирана, древней отчизны Арианвей, раскинувшейся далеко на север и восток. Киру никогда не позволяли забывать, что он был арийцем, всадником и завоевателем. Он слушал гимны солнцу и семи звездам, охранявшим северное небо, впитывал мудрость врачевания растущими травами и мудрость цифр, должен был в уме решать численные задачи и отвечать на хитроумные загадки. (Что скрывает горные вершины, исчезает, сбегая в долины, и снова исчезает, помогая накормить людей и животных? Конечно, это снег, он тает, превращается в потоки и питает растущие хлеба!) Старшие юноши, уже носившие меч, проливали свет на всю эту учебу.

– Действительно важно, – говорили они, – хорошо ездить верхом, метко стрелять и говорить правду.

Мать Кира умерла молодой, и у него не было родных братьев, но было довольно много единокровных и двоюродных братьев, оттачивавших на нем свое остроумие. Юноши, почти воины, также смотрели на него косо, особенно сыновья вождей других племен, у которых не было причин относиться к знатному мальчику из Парсагард бережнее, чем к своим соплеменникам.

После обеда школьники направлялись на луг, чтобы практиковаться в верховой езде, в плавании в стремительном потоке, в обращении с луком и стрелами. Не считая плавания в бурлящей воде, Кир во всем уступал другим и слышал язвительные замечания наблюдавших за ним юношей. Однажды вечером старшие мальчики посоветовались между собой и, к его удовольствию, предложили ему пойти с ними посмотреть на танец с мечами. У огня они сначала разделись до пояса и хлебнули напитка хаома, затем запели хором, а когда заиграли флейты и ритмично забили барабаны, принялись прыгать друг на друга, размахивая сверкающими клинками и громко ударяя щитом по щиту. Это было скорее сражение, чем танец, и, когда острое железо касалось плоти, появлялась кровь. Но ни один фехтовальщик не уступал другому, и никто не

показывал страха перед ранами. У молодежи танец с мечами был ритуалом. Он пришел из тех древних времен, когда арийцы были кочевым народом – странствовали верхом, жили в шатрах и собирались вокруг костров. Семилетний Кир вряд ли представлял себе историю своего народа, но танцы под барабанный бой его волновали. Под конец высокий юноша Митрадат, сын вождя маспиев, подошел к нему и спросил:

– Страшно было?

– Нет.

У Митрадата была манера встряхивать золотистой гривой. Взяв Кира за руку, он поднял царский браслет к свету.

– Ты носишь изображение Ази-Дахаки. А приходилось ли тебе видеть три злых лика этого бога?

Нет? А я их видел, в темноте, на расстоянии вытянутой руки, когда Ази-Дахака прятался. Не побоишься отправиться в путь один, чтобы посмотреть на него?

Кир обдумал вопрос, словно искал ответ на загадку. Хотя он чувствовал страх, но знал, что должен согласиться испытать храбрость. Не говоря ни слова, он кивнул.

– Ладно, – сказал Митрадат, – тогда мы покажем тебе путь к логову. Когда дойдешь до конца дорожки, нужно будет ждать, пока темнота не рассеется, иначе не увидишь ни трех ликов Ази-Дахаки, ни обвивших их змей.

Само собой разумеется, они взяли лошадей, маспий поскакал впереди, мальчик за ним, а еще один юноша позади. Прежде чем взнуздывать своего пони, Кир приказал мальчику-слуге придержать Гора, мастифа, спавшего по ночам у его двери. Они отъехали от полыхавшего костра, направились в сторону от реки и спускались через заросли до тех пор, пока Кир не смог различить в ярком свете звезд своих сопровождающих. Однако вскоре они въехали в туман, и попутчики шепотом велели ему не говорить в полный голос. Кир почувствовал в ночном воздухе запах соли и понял, что они приближались к бессточному озеру, окруженному камышом. В этом месте Митрадат принялся что-то высматривать, а приблизившись к двум камням, побелевшим от соли, он сделал знак Киру

спешиться и принял поводья его пони.

Наклонясь к уху мальчика, Митрадат шепотом сказал, что он должен пойти по тропинке через камыш, пока не дойдет до высокого камня с тремя головами. У этого камня он должен был встать на колени, вытянуть вперед руки и не издавать ни звука. Если он все сделает правильно, без ошибок, то услышит, как дьявол идет в свое логово, и услышит голос Ази-Дахаки.

Когда оставшиеся двое повернули с лошадьми назад, Кир протиснулся через камышовые заросли к тому месту, где начиналась тропинка. Он не мог определить, в каком направлении шел, поскольку со всех сторон висел густой туман. Временами соляная корка вокруг слабо поблескивала. Когда его осторожные ноги ломали корку, он чувствовал, как холодная жидкость просачивалась в обувь; зловоние заполнило его нос, и он вспомнил, что дыхание Ази-Дахаки ядовито. Кир почувствовал, как от страха у него кровь стынет в жилах.

Когда его вытянутые руки коснулись темного камня, поднимавшегося выше его роста, он еле сдержал готовый вырваться крик. У большого камня было три головы, склонившиеся вперед. Кир упал на колени, и его руки увязли в липкой холодной тине. Заросли камыша вокруг казались гигантскими, и ему подумалось, что если бы он сбился с пути, то мог упасть в пучину стоячей воды, откуда нельзя было бы ни выбежать, ни выплыть.

Так он ждал и уже начал замерзать, когда тишину нарушил какой-то звук. Что-то двигалось сзади него по тропинке к камню – что-то живое, поскольку оно издавало пыхтение и сопение. Трясущимися пальцами мальчик схватил браслет на запястье.

– Я Кир, – прошептал он, – сын великого царя, Ахеменид, из арийского народа. – Он часто так шептал, когда чувствовал страх.

У зверя, приблизившегося к его пяткам, было не две ноги, а больше; они тяжело переступали по топи, покрытой соляной коркой. Зверь громко сопел и обнюхивал мальчика сзади. Кир сдержал готовый вырваться крик и засмеялся – это мастиф Гор принялся его пихать. Сильная охотничья собака вырвалась у мальчика-слуги и проследила путь хозяина до черного камня у топи. Гор вздохнул, осмотрелся и улегся на ложе из сломанных камышей. Вскоре пес заснул. Кир перестал

бояться, поскольку знал, что собака почует приближение любого злого дэва. И в самом деле, почти сразу Гор поднял голову. В камышах за пеленой тумана раздался какой-то звук. Кир внимательно прислушивался, но наблюдал за смутными очертаниями мастифа. Гор медленно повернул голову, глубоко втянул воздух носом и снова опустил голову на лапы. Что бы ни двигалось там, совсем неподалеку от них, Гор это опознал или не нашел в нем ничего стоящего его негодования.

Движение прекратилось, и пронзительный голос прокричал:

– О, человек! Какой дар положишь ты к ногам трехглавого Ази-Дахаки, стража тьмы подземной? Клади свой дар и молись, дабы сохранить свою жизнь.

Слушая, Кир наблюдал за Гором. Мастиф лежал спокойно. Никакого дара у Кира не было, и он подумал, что пес спас его от серьезного беспокойства.

Когда от прикосновений первых лучей восходящего солнца туман начал рассеиваться, Кир двинулся в обратный путь через камыш. На краю топи его ждал Митрадат со своим другом и тремя взнузданными лошадьми. Юноши внимательно посмотрели на мальчика с собакой, и Митрадат спросил, видел ли Кир три лика дэва и слышал ли голос.

Прежде чем ответить, Кир обдумал вопрос.

– Нет, – сказал он. – Я видел стоящий камень и слышал твой голос.

– Мой? – Митрадат казался удивленным. – Почему ты так считаешь?

– А кто еще, Митрадат, знал, где меня найти, где я должен был ждать до рассвета?

Голова Митрадата гневно вскинулась, и без лишних слов он поскакал восвояси. Впоследствии он предупреждал своих товарищей:

– Остерегайтесь Кира Ахеменида, когда он начинает думать!

После этого случая сын вождя маспиев часто высказывался против Кира, но больше не пытался его надуть. Раздражение, которое они чувствовали друг к другу, переросло во вражду.

Чтобы укрыться от недоброго отношения молодых воинов, Кир искал убежище. Переплывая быструю реку, он достигал далекого берега и карабкался по скалам узкого ущелья к пещере. Из расположенной почти на вершине низкой пещеры открывался вид на аллею в Парсагардах и даже лишенную растительности гору с двумя алтарями. Спрятавшись в пещере, Кир мог следить за тем, что происходило вокруг дворца, и за церемониями, совершавшимися при разжигании огня у жертвенников Атара. Лежащему в скалах Киру удавалось услышать взывающий к нему голос Анахиты.

Прекрасная богиня вершин, как он знал, обитала в истоках горных рек и редко показывалась людям на глаза. Временами, забавляясь, она выпрыгивала из пены водопада и частенько разбрасывала водяные брызги, вспыхивающие ослепительно яркими красками на сильном солнечном свете. Кир ловил ее голос в шепоте и смехе воды, доносившихся снизу из ущелья. Звуки мелодично отражались от стен пещеры, и по этой причине он посвятил ее Анахите. Благочестивые арийцы всегда старались не загрязнять текущую воду. В десять лет Кир дал обет служения прекрасной богине. Возможно, он спутал ее со своей молодой матерью, о которой знал лишь, что ее похоронили в склепе рядом с пещерой Анахиты. Но, ударяясь о речные валуны и кружась в стремнинах, он воображал, что его поддерживают руки богини. И не боялся быстрой реки.

– Он слишком большой выдумщик, – заметил Митрадат. – У всех у нас есть свои мнения, но Кир пытается воплотить в жизнь мечту.

СТРЕЛА НА ТРОПЕ

Другие тоже часто говорили, что Кир слишком мало думает и слишком много мечтает. Примерно в то же время его приключение с падением на леопарда дало новую пищу этим разговорам. Достигнув десятилетнего возраста, Пастух получил почетное право садиться на нисайских скакунов, ездить на которых для детей было опасно.

Эту породу лошадей разводили на самых дальних персидских пастбищах. Они были не так устойчивы, как лохматые пони пожилых людей. Гораздо более тяжелые, с длинным туловищем и удивительно быстрыми ногами, они использовались в армии, поскольку не боялись людей, а в сражениях рвали врагов зубами и били копытами. На открытом пространстве они двигались равномерно, по очереди выбрасывая вперед ноги то со стороны руки с поводьями, то со стороны руки с оружием. Но все-таки Киру было нелегко усидеть на нисайце. Однажды вечером, когда он с группой молодежи преследовал леопарда, случилось самое неудачное его падение. Леопард мчался от них через кустарник под обрывом, пытаясь, очевидно, найти расщелину в скалах. В зарослях леопард был неуловим, ни разу не предоставил возможности метнуть в него дротик, и Кир пытался его догнать. Его нисаец с треском проскочил через колючие кусты и оказался над несущимся вперед зверем. Наклонясь, чтобы ударить его дротиком, Кир сполз с чепрака, потерял равновесие и рухнул головой вперед.

Контуженный от удара и пораненный, он какое-то мгновение смотрел в оскаленную морду зверя. Затем перепуганный леопард скачками бросился прочь. Когда его спутники попрыгали с лошадей и поспешили на помощь, Кир уже смеялся, вспоминая страх во взгляде свирепого животного. Все его раны оказались лишь царапинами от колючек, полученными при падении.

– Нет, – заверил он столпившихся вокруг охотников, – эти леопарды не причиняют вреда моей семье. Мой предок Ахемен носил на плечах голову и шкуру леопарда.

– А у моей семьи защитник – лев, – возразил другой юноша, – но для меня это не повод, чтобы падать на львов. Твой зверь сбежал.

Кир поднялся и осмотрел возвышавшийся над ними известняковый утес.

– Я знаю, где его логово, – заявил он.

Поскольку спутники отказывались ему верить, он повел их вверх по скалам, предложив оставить лошадей внизу. Свернув в глубокую расщелину, он оказался в темноте перед гладким камнем, почти перекрывавшим путь. Там не было и следа леопарда, но на самой скале, на уровне глаз, была картинка – рисунок, изображающий бегущих зверей и воинов на конях. Остальные подошли ближе и

тоже стали ее рассматривать; на вырезанном на камне рисунке, по всей видимости, изображалась не охота. Дикие животные бежали не от всадников, а вместе с ними.

- Что это такое? – спросил кто-то.

- Слушайте меня, – нараспев, на манер поэта произнес Кир. – Во времена наших самых первых предков, когда люди перестали быть животными, научились использовать огонь и управлять водой, их царем был Каимарс, давший людям законы. Но с мрачного севера вторглись демоны и убили сына Каимарса. Тогда Каимарс опоясался мечом, призвал всех воинов, и они выступили по северной дороге, чтобы отомстить за его сына. Говорят, что все встретившиеся им львы, пантеры и леопарды присоединились к ним. Благожелательные звери отправились вместе с ними на войну и помогли нашим первым предкам побороть демонов и отплатить за смерть царского сына.

Всем слушателям была известна эта поэтическая легенда, но они находились под впечатлением исчезновения преследуемого леопарда и рисунка, вырезанного на камне в тихой расщелине. Они не знали, что Кир велел его сделать двум каменотесам из Парсагард. У бродячих арийцев существовал старинный обычай оставлять рисунки, изображающие их поступки или деяния богов – особенно воинственного бога Митры, – в пещерах или на утесах, где они могли выдержать испытание временем. Когда маспий Митрадат услышал об эпизоде с леопардом, он гневно воскликнул:

- Если последуете за Пастухом, он поведет вас только в Кангдиз!

Так как Кангдизом называлась несуществующая страна, мифический замок духов, обитавших на вершинах, Митрадат имел в виду, что Кир поведет своих сторонников на бесполезные поиски.

В тот же лунный месяц, когда происходила охота на леопарда, Кир вывел из игры своего насмешника Митрадата. Это случилось на узкой тропе, ведущей от поля для стрельбы из лука, служившего также для верховой езды, потому что персы всегда тренировались в стрельбе верхом на лошадях – пускали стрелы по мишеням, скача мимо них галопом. Так вот, когда Кир, утомившись за тяжелый день, шел от этого поля, неся свой могучий скифский лук с натянутой тетивой, он услышал приближающиеся шаги нисайского боевого коня, поднял голову и

увидел Митрадата, мчавшегося верхом по тропе.

К этому времени маспийский принц дал клятву воина, поэтому был опоясан двуручным мечом, а к руке, державшей поводья, был прикреплен круглый щит. Узнав Кира, он грубо крикнул:

– Прочь с дороги, мальчишка!

Видя, что Кир по-прежнему стоял на тропе, Митрадат поднял охотничий дротик и ударами колен направил коня вперед. Из-за человека нисайский боевой конь никогда не сворачивал в сторону.

Кира охватил гнев, и все его мускулы напряглись. Не раздумывая, он вытянул из колчана стрелу, изо всех сил натянул лук и пустил стрелу. Она ударила точно над лопаткой лошади и под щитом Митрадата. Одним прыжком Кир увернулся от летевшего вперед коня. Маспий соскользнул с седла, упал на землю и остался лежать, испуская стоны.

Одно движение, и стрела с бронзовым наконечником повалила на землю любившего гордо встряхивать головой маспия, словно раненого кабана. Гнев Кира сменился пылким ликованием. Митрадат лежал беспомощный, со стрелой, застрявшей глубоко в бедре. На тропе не было свидетелей стычки, кроме одной девушки из рода Ахеменидов, придерживавшей кувшин с водой на темной головке. Кир знал, что ее звали Кассандана, и она часто задерживалась, позабыв о работе, посмотреть на воинов, тренировавшихся на поле. Он крикнул Кассандане привести рабов, чтобы отнести Митрадата в дом, затем, отбросив лук, поймал поводья норовистого скакуна. Ему удалось вскочить на спину лошади.

– Кир, – заклинала его девушка, – скачи к воротам твоего отца, скорей, скорей!

Однако Кир поступил совершенно иначе. Пустив коня в галоп от ущелья-въезда в Парсагарды, он направил его через равнину к ближайшему поселению маспиев. Радость уже его покинула, и ее место заняла сильная тревога – как бы кровавая вражда не вспыхнула между племенами. Рассказ о ранении Митрадата неминуемо достигнет всех воинов-маспиев, и он решил быть первым, кто расскажет об этом. Молодой Пастух имел недостаток – он действовал не задумываясь. Достигнув поселения к вечеру, в час загона стада, он направил

нисайца сквозь облако пыли, поднятое животными, к каменному дому в роще, где жила знать. На пороге дома он отказался принять воду и хлеб, сказав, что прежде должен сообщить нечто важное.

– Я приехал сюда, – заявил он хозяевам дома, – поскольку стрела, пущенная моей рукой, попала в Митрадата, сына вашего вождя. У меня не было причин его ранить, если не считать, что он пытался наехать на меня. Но судьями в этом деле должны быть вы.

Безоружный, весь покрытый пылью, в круглой войлочной шапочке, кафтане, перехваченном поясом мальчика, одетый в кожаные штаны и мягкие сапоги для верховой езды, Кир рассказал слушателям о встрече на тропинке, тщательно подбирая выражения, чтобы им стало ясно, как это случилось. После этого благородные маспии провели совещание и объявили, что дело не подлежит их суду; его должны были решить кави, вожди. Перед отъездом Кир осторожно отхлебнул глоток воды и откусил кусочек хлеба, предложенный женщинами.

Митрадат не умер от раны, но стрела покалечила его бедро так, что он не мог сидеть верхом на боевой лошади и вступить в асваран – кавалерийский отряд. С тех пор он не расставался с палкой, без нее ходьба причиняла ему сильную боль. За это повреждение кави маспиев не стали требовать компенсацию от семьи Камбиса.

– Ты действовал в гневе, – впоследствии подвел итог для сына Камбис. – Лишь после ты проявил находчивость, поскакав прямо к сородичам Митрадата. Теперь Митрадат может искать случая тебя убить. Хотя я не верю, – задумчиво добавил Камбис, – что он это сделает. Твоим наказанием будет рубец, который у тебя останется.

– Что за рубец?

– На твоей памяти.

Хотя в то время Кир редко думал об этом, он все-таки понял, что его снисходительный отец предсказал верно. Его неосторожность принесла беду так же быстро, как удар грома следует за молнией. Той осенью, после праздника урожая, хотя Кир и не достиг положенного возраста, отец велел ему дать клятву воина. У двух жертвенников ему вручили ритуальное оружие асварана: длинный

острый меч из железа, двойной пояс и железный шлем. Пока служители отмывали его руки в речной воде, он не сводил глаз со священников у алтарей. Одетые в белые одежды священники молча смотрели в небо, ожидая какого-либо знака, который можно было посчитать благоприятным для царского сына. Они ждали появления среди звездных гроздей кометы или проблеска Золотого тельца. А Кир тем временем думал, что меч, конечно, древнее оружие арийцев, но гораздо менее эффективное, чем копье или новые скифские луки. Затем он вспомнил, как на соляном болоте всю ночь прождал появления Ази-Дахаки, а услышал лишь голос Митрадата.

Странная это была судьба, удалившая сильного Митрадата из отряда асваран вопреки его стремлению, а его, Кира Ахеменида, сделавшая воином против желания. Тоскливо посмотрел он через ущелье на очертания утеса, где нашел убежище в пещере Анахиты. Действительно ли невидимые боги вершат судьбы людей? Кир в это не верил. Судьба зависела от его ума и рук, а на железный меч, которым он владел не слишком хорошо, Кир не надеялся.

Когда на тропе, ведущей к конюшням, он снова встретил калеку Митрадата, у Кира на поясе висел меч. Маспийский принц, прихрамывая, опирался на плечо девушки Кассанданы, но, увидев Кира, отнял руку и попытался идти самостоятельно. Кир отступил с тропинки в сторону. Глаза Митрадата вспыхнули тихой ненавистью, и он не промолвил ни слова приветствия царскому сыну. Когда они прошли мимо, Кассандана повернула аккуратную головку и быстро взглянула вслед Киру.

Когда Киру пошел пятнадцатый год, его отцу потребовалось доставить в подарок мидийскому двору табун лошадей, и, прежде чем отправиться в путешествие, Камбис объявил своим хранителям закона и главам кланов, что молодой Пастух является его наследником, как сын от первой жены. После чего Кир опустился на колени, вложил руки между заскорузлых рук отца и поклялся рукой и сердцем служить царской славе, хранить царский мир и никогда не поднимать руку против Камбиса, царя Аншана. Так называли они свои пастбища, простиравшиеся от Парсагард до пограничных камней всемогущей Мидии. Издревле у персов существовал закон, по которому перед отъездом из своих земель царь должен был назвать своего преемника – с тем чтобы в случае его гибели в путешествии персидская знать не воевала между собой из-за наследства. Хранители закона следили за его исполнением, и, как они говорили, благодаря ему Три племени жили в мире со времен Ахемена до Камбиса. Хотя

Кир желал бы знать, сколько вождей на самом деле желали носить странную корону из уложенных кольцами перьев с гребнем в виде серебряных крыльев, увенчанную солнцем с золотыми лучами.

Правда, когда на вершинах вокруг Парсагард зажигались сигнальные огни, почти все вожди, ликуя, собирались сюда. Этот знак созывал весь асваран вооружиться и направиться на север в Мидию, чтобы принять участие в войне на стороне мидян. Те, кто командовал на таких войнах, становились кшатрами, или военачальниками. Остальные возвращались с добычей, чтобы украсить своих жен и свои дома, заплатив третью часть в царскую казну. Конечно, некоторые не возвращались домой; о подвигах погибших рассказывали на всех семейных собраниях и прославляли их как героев.

Камбис, отказавшись от должности военачальника, сухо говорил, что гораздо полезнее быть живым землепашцем, чем мертвым героем.

Гирканец Эмба с этим никак не мог согласиться.

– Великий царь Мидии, – заметил он, – которого прозвали Копьеметателем, привез из богатых земель много добычи; даже его слуги пахнут душистыми мазями, а потолок в его дворце обшит самым лучшим золотом. Гораздо приятнее и выгоднее бить мух для Копьеметателя, чем ухаживать за лошадьми у твоих ворот.

Никто не бил мух и не отгонял их от низкого столика, когда в отсутствие отца Кир садился в царское кресло из слоновой кости. Ласточки и черные дрозды слетались поклевать крошки на каменном полу рядом со столами, установленными во внутреннем дворике, который служил и приемным залом и где с восточной стороны высился мраморный резной трон. Эти птицы повсюду оставляли помет; закон персов запрещал причинять им вред. А дородный Камбис, постоянно находившийся в движении, приказал слугам носить за собой стул из слоновой кости, чтобы в любом месте он мог сесть и приступить к судебному разбирательству.

Прежде чем подавать еду на стол, слуги ждали, пока Кир совершит ритуал Ахеменидов. Вскинув руки, он обращал голову к небу и произносил:

– Мы приветствуем духов прирученных животных и лечащих нас диких трав; мы приветствуем свой народ, мужчин и женщин, где бы они ни были, имеющих справедливые намерения и чистую совесть. – Затем, подняв бирюзовую чашу, он продолжал:

– Мы жертвуем тому, кто создал всех нас, дал нам свет огня и солнца, сделал так, чтобы ключи били, дороги вели к речным бродам, а стремительные потоки стекали с гор ради благоденствия человека. – С этими словами он проливал воду на каменный пол, словно на сырую землю.

Обычно в конце трапезы, когда появлялись вкусные медовые пироги, засахаренные фрукты и сыр, начинала петь флейта и поднимался пожилой поэт. Раскинув руки и поклонившись, он говорил нараспев:

– Слушай меня, Кир, сын царя Ахеменида!

Желая польстить хозяевам, эти бродячие поэты всегда пели о жизни и подвигах Ахемена. Кир отчаянно скучал, слушая о подвигах своего ставшего легендарным предка. Ахемен побеждал всех врагов при помощи благородного скакуна и смертоносного меча. Он даже срубил все три головы Ази-Дахаки. Некоторые поэты утверждали, что одним ударом, а иные говорили, будто он взмахнул мечом трижды. Но Кир знал, что Зло не умерщвлено; оно ждет совсем рядом, выдыхая ядовитые пары, когда опускается тьма. Он думал об Ахемене, пока не решил, что герой этих битв не более чем память о времени, когда кочующие персы нашли огромных нисайских коней и длинные железные мечи, выкованные кузнецами где-то в северных горах. Сев на этих коней и вооружившись этими мечами, древние персы стали побеждать врагов в сражениях. Первый Кир, прародитель Пастуха, еще претендовал на прекрасные фруктовые сады побережья Соленого моря гирканцев на севере. Эта земля, как тотчас же заметил Эмба, теперь находилась в центре обширных владений Мидии.

– А я заберу ее обратно! – вскричал Кир, высказывавшийся откровенно в присутствии своего конюха. – Разве это не земля моего прадеда?

– Собака тоже лает на дикого буйвола.

С тех пор как Кир стал наследником Камбиса, радости в его жизни поубавилось. От утреннего пробуждения и до отхода ко сну ему требовалось участвовать в

церемониях. Он превратился в тень Камбиса, и голоса у него было не больше, чем у тени. Если пастух появлялся на пороге с жалобой на мастифа из Парсагард, убийцу овец, Кир выслушивал жалобу, но решали дело судейские – хранители закона. Если Кир хотел дать сикль серебра садовнику, у которого урожай погиб от мороза, хранитель казны возражал, поскольку должен был получить указания Камбиса на выдачу сикля. Хотя этот хранитель просто укладывал слитки, как и другие подношения, во славу царя, в сундуки, стоявшие вокруг галереи открытого зала для трапез. Закрывал он эти сундуки лишь на ночь, а учет поступлений и расходов вел в голове. Кир попытался возразить, что серебро, хранившееся в сундуках, не приносит пользы. На что хранитель резко заметил, что оно хранится в казне по закону персов.

Кир был обязан запомнить все непреложные законы персов и мидян, которые никогда не были записаны. Насколько он смог узнать, на памяти старейших людей эти законы ни разу не менялись. На самом деле, казалось, они превратились в собственность пожилых людей и использовались для обуздания молодежи. Когда обычай становился достаточно старым, его делали законом. Однажды в ярости он призвал к себе нескольких хранителей закона и велел изменить закон. Пораженные хранители схватились за бороды.

– Никому, – вскричали они, – не дозволено изменять законы персов и мидян!

Уже несколько поколений выросло, с тех пор как эти законы были записаны клинописью на глиняных табличках, но лишь немногие, не считая хранителей закона, могли их прочитать.

А в скором времени волнения Кира усилились из-за девушки Кассанданы. Казалось, он случайно сталкивался с ней, когда она несла в подарок хрому Митрадату фрукты или еще что-то. Ему не приходило в голову, что она подстраивает эти встречи нарочно. Просто он считал странным такое внимание к маспию со стороны этой молчаливой девушки и подозревал существование между ними особых отношений. Кассандана принадлежала к знатному ахеменидскому роду, приходилась Киру троюродной сестрой, а ее отец владел одним из самых обширных вишневых садов вверх по реке. Согласно родовому закону, мужчины из семьи Ахеменидов брали в жены только женщин своего рода, иногда даже более близких родственниц, чем троюродные сестры. Постепенно он начал наблюдать за девушкой с рассыпанными по плечам темными волосами. Коротко подстриженные волосы Кира были рыжеватыми, как

у льва.

Однажды он выбрался на дальний берег реки, чтобы посмотреть на ее дом. Стоял теплый день начала лета, время сбора вишен, и Кир обрадовался, набредя на водопад над озерцом с водоворотами – место, несомненно часто посещаемое его хранительницей, богиней Анахитой. Брызги летели во все стороны, почти долетая до противоположного берега. С надеждой переведя взгляд в ту сторону, он заметил там смеющуюся девушку. Порывы ветра закручивали белую тунуку вокруг ее тела, и он узнал Кассандану, поднявшую повыше корзину с вишнями, предлагая ему угоститься. За шумом воды ее голоса не было слышно. Она поддразнивала его, поскольку река мешала ему получить угощение. Так она, видимо, думала.

Кир бросил на землю копье, отстегнул плащ, выскользнул из штанов и сапог. Он нырнул в водоворот и почувствовал удар о камни. Он поборол течение и вынырнул у валунов ниже по течению. Девушка поставила корзинку и побежала. Когда он приблизился, она метнулась в сторону, в глубь дикой рощицы. Сандалии соскользнули с ее маленьких ног, и она споткнулась в сумраке под деревьями. Кир поймал ее и потянул на землю.

Длинные волосы рассыпались по ее лицу, словно вуаль. Его гнев уступил место бурному ликованию. Когда его руки ощутили тепло ее гладкого тела, Кассандана принялась тихо плакать. Он быстро овладел ею, в полной мере насладившись ее телом.

Когда Кир отпустил Кассандану, она осталась лежать неподвижно и что-то искала глазами в небе над его лицом. Затем прошептала:

– Я боюсь. Здесь был кто-то еще, кроме тебя.

Прежде чем уйти, Кассандана подарила ему брошь, придерживавшую у горла ее хитон. На серебряной пряжке осталась капля крови из ее груди. Встретив ее на следующий день, Кир подарил ей круглую пряжку с пояса с изображением крыльев – знаком Ахеменидов. Это доставило удовольствие Кассандане, и она сказала, что теперь, обменявшись подарками, они связаны между собой. После этого она почему-то перестала бояться.

Когда она приходила во дворец на праздники с родственницей, на ее груди красовалась ярко начищенная пряжка Кира. Он чувствовал прилив гордости оттого, что эта стройная и умная девушка принадлежит ему. Однажды вечером, прежде чем Камбис у обеденного стола принес жертву из чаши, Кир поймал ее за руку, вывел вперед из ряда женщин и призвал всех Ахеменидов стать свидетелями, что он берет Кассандану, дочь Фарнаспа, в жены. Девушка тут же упала на колени перед удивленным Камбисом, и тот какое-то время молча гладил ее темную головку. Наконец царь Ахеменидов, поцеловав ее в лоб, признал невесткой и подал ей кубок, из которого она и Кир сделали по маленькому глотку. Но той же ночью он позвал Кира к себе в опочивальню. Он потер морщинистый лоб, потеревил бороду и сказал:

– Ладно, она красива, как настоящая дочь Ахеменидов, и родит тебе прекрасных сыновей. – Он вздохнул. – Такой же была для меня твоя мать, Кир. Клянусь семью звездами, я до сих пор вспоминаю тепло ее бедер. – Затем он нахмурился. – Ну вот, будем считать, ты перебесился, а теперь должен думать и советоваться со мной по поводу второй жены. Сам я подумывал об одной принцессе из Мидии.

На это Кир ничего не ответил. Ему не нужна была другая женщина и меньше всего надменная мидянка.

Итак, Кассандана заплела свои прекрасные волосы и стала носить пряжку с крыльями на лбу, в диадеме замужней женщины. Она скромно опускала темные глаза, когда другие мужчины поглядывали в ее сторону, и не говорила больше с Митрадатом; он стал смотреть на нее с той же ненавистью, которую испытывал к ее мужу. Придя в покои Кира с двумя молчаливыми служанками из каспиев, она принесла с собой массу расшитой ткани и серебряных украшений в резных сандаловых сундуках, а ее отец подарил Киру милую землю с садами вдоль реки. Она грациозно опустилась на колени перед огнем в комнате, показав тем самым, что этот очаг стал теперь ее домом. И во всех отношениях она вела себя превосходно.

– Теперь, – сказала она Киру, – я не боюсь той, другой женщины.

Кир ответил, как отвечали все мужья с того дня, как освободились от животной невежественности:

– Нет никакой другой женщины.

Он лишь мечтал по ночам, когда в тишине оживал голос реки, о богине Анахите. Теперь же этот образ из сна слился с Кассанданой, живой женщиной, лежавшей с ним рядом. Разве не увидел он свою невесту, в день их первого объятия через брызги водопада богини? Разве не было это благожелательным знаком от Анахиты?

Свои мысли по этому поводу Кассандана держала при себе, если только они не касались Кира практически. Однажды она отметила, что он скакал по своим землям один, не сопровождаемый другими вождями. Это было совершенно правильно. Кир брал с собой Эмбу, чтобы смотрел за лошадьми, скифа Вольку, назначившего себя его телохранителем. У других вождей были свои дела, как правило, подготовка асварана или дальние экспедиции для участия в войнах, которые вела Мидия.

– Все же, Кир, – заметила молодая жена, – нигде нет таких дружеских отношений, как среди воинов. Я имею в виду персидскую знать. Вожди других племен этим пользуются, а ты – нет.

– Они вполне доброжелательны ко мне.

– Только не Митрадат. Другие потакают тебе, поскольку Камбис докучает им налогами. Но твой отец может умереть. Вот наступит этот день, и что ты станешь делать, чтобы сохранить преданность других? Помни, что на войне ты себе славы пока не добыл.

– Других? Каких других?

Кассандана ласково посмотрела на него и подняла палец:

– Во-первых, конечно, маспиев и марафиев, которые вместе с твоим составляют Три племени. Затем, во-вторых, как тебе известно лучше меня, семи других племен, к которым относятся германии из Соленой пустыни, разбойники марды, осмелившиеся назвать свое поселение Городом персов, – нет, я слышала, как греческие купцы называли его Персеполем, – и кочевой народ даев. Ты надеешься подчинить себе все десять племен?

Кир не думал об этом, и беспокойство жены его позабавило. Он посмеялся над ней, сказав, что очистит казну Парсагард и все раздаст вождям. Но Кассандана не нашла это забавным.

– Серебро доставляет удовольствие каждому вождю, – задумчиво признала она, – хотя вожди персидских племен всегда говорят, что дорожат славой больше, чем казной. Есть единственный способ получить доход и славу одновременно – завоевать дальние страны и покорить их народы. – Казалось, она это втолковывала огню в очаге. – Со времен наших предков, – продолжала она, – царская слава приходит от завоеваний.

В первый раз Кассандана произнесла древний оборот – «царская слава». Ее воспевали поэты в своих песнях об Ахемене. Веселости Кира как не бывало, он рассердился на ее настойчивость.

– Не имею понятия, что я буду делать, когда умрет Камбис, – отрывисто произнес он. – Узнаю, когда придет этот день.

На самом деле ему не удавалось строить планы и проводить их в жизнь. При необходимости он действовал инстинктивно. У него не было мысли жениться на Кассандане, пока он не взял ее за руку. Когда она родила ему сына, то перестала беспокоиться о товарищах Кира. Ребенок должен был перенять ее будущие замыслы. Его назвали Камбис, в честь царственного деда.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ МАГА

Эта встреча произошла, потому что Кир любил исследовать пещеры. Он без усталости бродил вдоль русел рек и ручьев, поднимаясь в горы до самых высоких голых вершин. При этом он задерживался в пещерах, прятавшихся за соснами на таких высотах, где ветер останавливал рост деревьев, а охотники показывались редко, разве что преследуя горного козла. Здесь, рядом с питаемыми снегами потоками, он заметил за валунами отверстия. Они показались ему довольно естественными, пока Кир не заполз в одно из них и не оказался в пещере, стены которой были стесаны каменным кайлом. Пол был черен от угля, оставленного многочисленными кострами, а в углах валялись охапки камышей как остатки постелей. В нескольких из этих скрытых пещер Кир подобрал кремневые

наконечники для копья. В некую прошлую эпоху, решил он, в этих пещерах прятались люди, постаравшиеся замаскировать вход. В Парсагардах никто не слышал о потайных пещерах. Но, рассказывая о своем открытии жене, Кир заметил, что молодые служанки-каспийки сосредоточенно прислушивались, пока он не закончил.

Если бы даже каспии знали тайну пещер, они бы все равно ничего ему не сказали.

Каспии были невежественными и слабыми людьми, первоначально обитавшими на огромном плоскогорье. В детстве Кир называл их «пожилым народом», а иногда – «земляным народом». Они копались в земле, как сурки, сажая семена, собирая урожай, делая из влажной глины горшки и даже складывая дома из сырцовых кирпичей, высушенных под горячим солнцем. Камбис пытался их убедить обжигать кирпичи на огне, ведь обожженные кирпичи выдерживали паводки и дожди, а сырцовые таяли при каждом сильном повышении уровня воды в реке. Он также заставлял их строить запруды из ивовых прутьев и камней, чтобы запастись водой на время засухи.

Каспии говорили на языке, не похожем на цивилизованные языки, у них, казалось, не было героических легенд, и в этом они также отличались от своих завоевателей-арийцев. Они были искусны скорее в воровстве, чем в сражениях и умении обращаться с благородным оружием; если на них нападали, они бежали из своих поселений в низинах, исчезая где-то в нагорных лесах. Поэтому, когда Кир обнаружил потайные пещеры, он решил, что наткнулся на убежище каспиев. Хотя эти пещеры не посещались людьми давно.

Обычно хозяева-персы мало общались с туземным населением, разве что какой-нибудь воин или охотник хотел позабавиться на ячменном поле с молоденькой деревенской девушкой. Огромная пропасть разделяла благородного арийца и низкого каспия. Иранцы, как стали называться арийцы с Персидского нагсрья, ездили на нисайских скакунах; у туземцев были лохматые пони, тяжести они носили на своих спинах; их кузнецы делали из драгоценных металлов, железа и бронзы оружие и лошадиную упряжь, а иранцы создавали более искусные вещи из мягких металлов, серебра и блестящей меди. Что касается одомашнивания животных, то победители разводили благородных молочных коров и другой рогатый скот, в то время как покоренные местные жители держали овец и черных коз, а их женщины ткали теплую одежду из длинной черной шерсти. Своих божеств каспии скрывали и для жертвоприношений уходили в леса. Хотя

каспии не проникали в Парсагарды иначе как в качестве домашних рабов, Кир заметил, что их численность в грязных деревнях, где они жили, возрастает. Он сказал об этом Камбису, и тот лишь ответил, что это хорошо. Почему, спросил Кир, для немногих иранцев хорошо властвовать над многочисленными каспиями?

Тогда его отец в своей оракульской манере прищурился и произнес загадку:

– Благодаря каким пяти вещам мы, иранцы, живем?

Кир мог назвать более пяти вещей, но знал, что отец ожидал ответа не на предположение Кира, а на собственные мысли. Он вспомнил ответ из школьных уроков:

– Это – посева зерна, инструменты для посева, вода, помогающая росту, прирученные животные, способствующие ему, и человеческий труд, собирающий урожай.

Камбис кивнул:

– Теперь задумайся. Из всех этих пяти вещей мы не обладаем ни одним, кроме семян, которые я припас, а каспии обладают всеми. Ты прекрасно знаешь, что они живут за счет земли, а мы живем за счет них, но что, ты думаешь, из этого вытекает? Они нас ненавидят и боятся. Я не могу изменить их отношение к нам, но, если они размножатся, у них будут многочисленные семьи, много рабочих рук и полные животы, тогда они будут меньше нас ненавидеть.

Кир вспомнил мудрое высказывание отца в то утро, когда они с Волькой отправились охотиться на горного козла. Скиф высмотрел одного выше линии лесов и захотел сбить его стрелой. Лишь скиф мог попытаться сделать такое, но и никто, кроме скифа, не смог бы добиться в этом успеха. Они ехали на деревенских пони, укрываясь за деревьями и наблюдая за утесом над головой. В таком месте могли обитать дэвы, эхом передразнивающие голоса людей, и оттого-то жители Парсагард редко осмеливались приближаться к священным вершинам. Вольку, родившегося в степях, не пугали горные божества. Вдруг сопровождавшие их мастифы, почуяв какой-то запах, выскочили вперед пони и быстро скрылись из виду.

Мастифы могли взять след пантеры, хотя им нужно было преследовать козла. Сжав копьё, Кир пустил своего пони галопом за собаками и обнаружил бегущего от них пожилого каспия, одетого в шкуры. Он успел как раз вовремя, чтобы отогнать черенком копья огромных собак, уже хватавших за ноги старика с белыми волосами патриарха, выбивавшимися из-под головной повязки. В руках он держал сверток из ткани. Кир велел ему развязать сверток, чтобы посмотреть, не украл ли он что-нибудь. Но там оказались свежее испеченные ячменные лепешки, гранаты и белый сыр. Киру показалось странным, что деревенский старик принес на голую вершину горы дневной запас пищи – неужели съесть собирался? Взглянув вверх, он заметил отверстие пещеры и еще одного мужчину, но не каспия, наблюдавшего за ним.

– Я рад, что собаки не растерзали моего друга! – крикнул незнакомец. – Хочешь разделить со мной ужин?

Он был не старше Кира, без оружия, с обветренным, загорелым лицом. Волосяной веревкой подпоясал он серое платье, а на ногах носил не сапоги со шнуровкой для верховой езды, а сандалии. Говорил он на мягком восточном диалекте. Ни одно блестящее украшение не выдавало его ранг или сан. Спешившись, Кир понес узелок к нему наверх и заметил, что собаки, обнюхав незнакомца, перестали обращать на него внимание. Любопытный Ахеменид поинтересовался, как его зовут, какого он рода-племени и куда держит путь. Старый каспий, видимо, подал знак молодому человеку, и тот ответил, что у него больше нет ни семьи, ни племени и он хочет отдохнуть от странствий.

– Скажи правду! – воскликнул Кир. – Ты – беглец из восточных земель, нашел приют у деревенских жителей, и они тайно тебя кормят.

В серых глазах незнакомца промелькнул гнев. Затем он грустно улыбнулся:

– Бывает, в правду поверить труднее, чем в удачную ложь. Молодой охотник, правда заключается в том, что у мага больше нет ни рода, ни племени. – В задумчивости он расстелил ткань на земле и разделил еду на две части. У входа в пещеру стоял глиняный кувшин с водой и чаша. Этот маг, как он себя назвал, не мог бежать издалека, поскольку его худые руки и ноги были чисты. – Наверное, я беглец от смерти. Я пришел к этому убежищу, поскольку жители деревни в долине сказали: здесь я могу найти что искал.

Его речь чем-то напоминала речь поэта, хотя поэты всегда ищут ворота царского дворца.

- Что же ты нашел? - спросил Кир.

- Покой Ахеменидов, - объяснил маг, наливая чистой воды в чашу.

Очевидно, незнакомец не понимал, что говорит с царским сыном.

- Ты думаешь, я поверю, будто деревенские жители что-то знают о моем... об Ахеменидах, раздор у них царит или покой?

- Видимо, знают. У них есть настоящее сказание. В нем говорится...

И маг вкратце пересказал, что орды арийцев с огнем и мечом прошли через все земли каспиев и отправились дальше. Однако в стране царя Ахеменида захватчики угомонились и стали жить мирно, поскольку там властитель всем гарантировал порядок и спокойствие.

- Ты, носящий ахеменидские крылья, - с вызовом воскликнул он, - неужели не слышал о беженцах, спешащих сюда от Голубых гор и спасающихся от умирания земли в Шушане?

Затем он извинился за резкий вопрос - почти как человек благородного происхождения, с манерами - и попросил Кира присесть и, даже если он не разделял его мысли, разделить с ним ужин. Кир хотел принять приглашение, но все-таки отказался, не желая связывать себя с беглецом, преломив с ним хлеб. В этом самозваном маге, не носившем пояс для меча, Кир чувствовал тайную гордость.

Сделав прощальный жест, он пошел вслед за Волькой, продолжавшим выслеживать своего козла. Он оглянулся и обнаружил, что незнакомец вместе с деревенским патриархом уже приступил к ужину. Серая вершина высилась над ними, словно бастион под движущимися облаками.

Киру пришло на ум, что этот маг, несмотря на его поэтическую историю, поостерегся подойти к воротам Парсагард.

ГОРОД СМЕРТИ

Другой беженец не стал сторониться ворот, а явился к дверям Кира. Носильщики за его спиной снимали с каравана ослов тюки с товарами и складывали на землю. Человек сказал, что он хабиру, или иудей, и беженец лишь в том смысле, что его царь находится в плену на берегах рек вавилонских, которые на самом деле обычные каналы и совершенно не похожи на чистую, быструю реку Парсагард. Этот бородатый иудейский купец носил в ухе серебряное кольцо как знак полупленения. Он подарил Кассандане немного душистой мирры, а затем развернул рулон великолепной пурпурной шерсти, сказав, что этот царский пурпур, поднятый из глубин великого моря, наилучшим образом подходит для царственной ахеменидской госпожи. Тут же Кассандана страстно захотела получить редкую ткань, хотя и стоившую по два сикля за локоть, но Киру ткань не понравилась, и вместо нее он выбрал жене парные браслеты из мягкого золота с изображением крылатых грифонов. Вот, сказал он, настоящие украшения, это не одежда, которую может надеть всякий.

Когда они закончили дела и иудей, как было принято у купцов, рассказал новости из чужих краев, он отправился бродить по границам Парсагард, словно что-то искал и никак не мог найти.

– Там нет стен! – воскликнул он, сидя за столом Ахеменидов за ужином.

Оказалось, до этого дня он никогда не видел город без стен – везде были стены, даже в опустошенной Ниневии или в могучем Вавилоне, где бастионы Имгур-Бел и Нимитти-Бел были построены Навуходоносором в самом городе. Тонем молитвы иудей добавил:

– Да защитит Яхве обитателей этого места. Кир не знал ни одного бога по имени Яхве, но иудей, как чужестранец, мог поклоняться неизвестному им божеству.

– Даже в Шушане, по дороге сюда, – задумчиво добавил иудей, – стену крепости укрепляют крепким обожженным кирпичом.

Кир вспомнил о словах, произнесенных о Шушане другим путником, магом: «Там бьется в судорогах умирающая земля». Сам Кир видел это давно, когда с компанией мальчиков по пути на нисайские пастбища свернул в сторону, чтобы обследовать развалины славной когда-то цитадели Элама, находившейся между горами и равниной. Он видел, как сорняки душат возделанные поля, порубленные леса превращаются в дрова, а потоки воды из разрушенных дамб размывают горячую голую землю. Лисы выбегали из обгоревших остовов зданий. В усадьбах великих царей Элама укрывались разбойники с большой дороги. И причина смерти этой населенной земли была начертана на каменной дощечке, установленной над распахнутыми воротами. Бродячий писец прочел надпись на дощечке, и Кир закрепил ее в своей памяти.

«Я, Ашшурбанипал, великий царь всех земель, забрал резную мебель из этих комнат; я забрал лошадей и мулов в украшенной золотом упряжи из конюшен. Огнем я уничтожил бронзовые башенки храма; я унес в Ассирию эламского бога со всеми его сокровищами. Я унес статуи тридцати двух царей и могучих каменных быков, охранявших ворота. Таким образом, опустошил я эту землю и умертвил тех, кто обитал на ней. Я открыл их могилы солнцу и унес кости тех, кто не чтит Ашшура и Иштар, моих повелителей, навсегда лишив призраков этих мертвецов покоя, подношений пищи и воды».

Как свидетельствовала эта надпись, ассирийцы прошли через Элам. Это было не более трех поколений назад. А теперь Ниневия, город самого Ашшурбанипала, лежала опустошенной, открытой жару солнца.

– Поэтому, как видишь, – закончил Кир свой рассказ, – эти величественные города стали великими пустынями, населенными призраками.

Иудей покачал своей умащенной головой и вскинул руки:

– Как велика премудрость прославленного сына Камбиса! Поистине память его – словно писанный свиток! Хотя эти шушанские призраки покупали у меня плуги-сеялки и расплачивались предписанием на получение серебра в доме Эгиби в Вавилоне.

В конце вечера Кассандана начала разговор сразу, как только они вошли в спальню:

– Если какие-то неизвестные люди перестраивают руины Шушана и достаточно богаты, чтобы иметь дело с банкирами, они должны платить дань Парсагардам.

– Дань за что, прекраснейшая из жен? – лениво спросил Кир, раздумывая, что это за плуги, которые могут засеивать поля.

– За защиту, разумеется. Не прикидывайся, мудрейший из мужей, будто не понимаешь. Новому городу требуется защита от разбойников и чужеземных завоевателей. Разве Сузы – или Шушан, как называл его купец, – не находится в пределах Аншана? И разве кто-нибудь может защитить его лучше, чем персидские конные лучники?

Кир улыбнулся женскому доводу:

– А если, как ты предлагаешь, я потребую дань, то как меня нужно называть после этого: разбойник или чужеземный завоеватель? Что подумает мой отец Камбис?

Он не хотел, чтобы за женой всегда оставалось последнее слово.

– Вместо этого, Кир, – сказала она, – ты должен думать о другом Камбисе, твоём сыне.

В результате Пастух сам поскакал в Шушан. У него появилась привычка самостоятельно исследовать сомнительные вопросы. В числе нескольких сот асваранцев, служивших ему охраной, было несколько германиев, благородных воинов, уставших смотреть на висящие над очагом мечи и ждать, когда Мидия начнет новую войну. Длинная дорога вилась между гор и круто обрывалась, выходя через «ворота», или проход, на западную равнину. У этих естественных ворот промышляло племя грабителей, но, заметив персидские луки, эти волки разбежались, как испуганные козы. Германии не потратили на них ни одной стрелы. Когда асваранцы въехали с гор в горячие облака пыли, они, ругаясь, прикрыли лица шейными платками. Люди с гор всегда неохотно спускались в низины из-за царившей там жары.

Вскоре дорога побежала вдоль порогов реки Шушан, и Кир заметил внизу среди бурой пустоши зелень возделанных полей. У города, возникшего на излучине, через реку перекинулся когда-то разрушенный, а ныне заново отстроенный

каменный мост. Занимались, значит, призраки какой-то полезной работой. Увидев приближавшихся всадников, пастухи бросились загонять овец и коров в укрытие. Кир привел всадников к мосту, и лишь одни германии достали мечи, чтобы внушить беглецам уважение к себе. К тому моменту, когда персы натянули поводья под цитаделью, число убитых было невелико. Как и говорил иудей, вокруг руин, оставленных ассирийцами, высились новые стены. Мужчины со щитами и копьями появились на стене и у входа, где пока еще не были установлены ворота. Герои-германии обратили внимание, что щиты шушанцев были не из блестящего металла, а из кожи. Они предложили Киру прикрыть их стрелами его воинов, чтобы они смогли взять ворота штурмом и сделать проникновение в крепость безопасным. Сделав это, ветераны, конечно, должны были получить преимущественное право взять внутри крепости любую добычу или пленников.

Однако Кир изучал плуг, брошенный на орошенном поле, откуда его хозяин бежал вместе со своим волом, судя по следам на земле. Этот плуг имел ящик, расположенный сверху вертикального столбика, и в нем находились семена. Полость в столбике позволяла семенам сыпаться на перевернутую землю. Таким образом, один человек мог посеять свое зерно, двигаясь вдоль борозды. Это был совершенно новый вид плуга. Закончив его изучение, Кир предупредил своих всадников, что, прежде чем идти на штурм, им нужно объехать крепость вокруг и оценить силу защитников.

Но до того как они приступили к осуществлению этого плана, у ворот появилась одинокая фигура мужчины. Он шел пешком, был одет в длинное, отделанное бахромой платье сановника, хотя и не носил ни короны, ни золотых символов его ранга, лишь медальку на груди, оказавшуюся образом Иншушинака – высшего божества эламитов, бога солнца и правосудия. Высоко держа голову, он приблизился быстрым шагом солдата и в знак уважения коснулся поводьев на скакуне Кира.

– Мир, сын Камбиса, – на хорошем персидском языке сказал он. – Следующий раз пошли вперед гонца со своим именем, и я встречу тебя на мосту. Я Губару, властитель Шушана, приморских земель и Горьких вод.

Как ни странно, этот Губару не назвал себя монархом или царем. Он пригласил Ахеменида спешиться и вместе с воинами посидеть в недостроенном дворце за скромным столом. Когда персы обменялись опасливыми взглядами, Губару быстро добавил, что, если гости предпочитают поесть на свежем воздухе, слуги

все вынесут сюда. Кир решил, что этот государь обладает живым умом и может оказаться опасным хозяином. Поэтому он предложил Губару вывести всех вооруженных слуг, после чего персы могли бы пойти осмотреть крепость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/lemb_garol-d/kir-velikiy-pervyy-monarh

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)